

**ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ**

УЧАСТНИКИ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В МИРНОЙ ЖИЗНИ

© 2015

В.В. Щебланова, И.Ю. Суркова

**Щебланова
Вероника
Вячеславовна** —

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина. В журнале “Человек” опубликовала статью “Пережившие теракт” (2007. № 4). E-mail: sheblanova@mail.ru

В пространстве боевых действий время имеет особенное течение — на грани жизни и смерти, — порождающее обостренное восприятие происходящего. Экстремальность входит в повседневность участников боевых действий, корректирует их жизненную траекторию, способы поведения и деятельности, накладывает отпечаток на оценку событий [10]. В статье представлены результаты анализа мнений комбатантов о последствиях участия в контртеррористических операциях (КТО) на Северном Кавказе, о существующих социально-психологических проблемах. Предметом стали также реадаптационные мероприятия социальной защиты участников контртеррористических операций.

Исследование мнений участников КТО основано на результатах анкетирования на тему “Политика социальной защиты участников борьбы с терроризмом” (N=500; выборка целевая; 2012–2013 гг.), проведенного авторами в Москве, Саратове, Пензе и Махачкале. Для расширения интерпретативных возможностей применялась стратегия триангуляции, предполагающая использование различных методов при анализе одних и тех же эмпирических событий. И в данном случае аналитические перспективы расширились за счет результатов лейтмотивного интервью с участниками

боевых действий в Чечне (16 респондентов, 2013 г.). Использование лейтмотивного интервью позволило сфокусироваться на определенном периоде в биографии респондента, в нашем случае таким ключевым фактором является участие в КТО. Поиск респондентов базировался на принципе критериального отбора, предполагающем наличие у опрашиваемых опыта участия в боевых операциях на Северном Кавказе (Первая и Вторая чеченские кампании). Местоположение респондентов идентифицировалось, исходя из локализации в воинских частях (в случае продолжения службы), а также в общественных организациях, таких как “Боевое братство” (в случае демобилизации).

Мотивация и удовлетворенность от участия в КТО

Доступ в пространство боевых действий всегда ограничен и, как правило, регламентируется приказом, обеспечивающим условия для отправки представителей силовых структур в зону конфликта. Однако данная служебная необходимость не всегда воспринимается позитивно, поскольку связана с риск-опытом, ощущением экстремального

времени, с переживанием сверх-стрессовых условий. Более того, если представители силовых структур, осуществляя свой профессиональный выбор, потенциально соглашались с подобными командировками, то солдаты срочной службы ограничивались в своих желаниях воинской повинностью, фактически не имеющей отношения к профессиональным рискам.

Солдат срочной службы также направляли в зону боевых действий, не учитывая желания. *“Было определенное обязательство. Там, например, 10 человек с ракетного, 10 человек с хим. училища, потом набрали определенную группу людей, мы и поехали. Это же армия, есть приказ”* (Михаил, 33 года, рядовой, срочная служба на территории Чечни). *“Нас построили и тупо поделили пополам, я попал в ту половину, которую в Чечню командировали”* (Семен, 32 года, сержант, срочная служба на территории Чечни). По результатам опроса оказалось, что 74,3% респондентов участвовали в КТО по служебной необходимости, однако достаточно часто комбатанты ехали туда по собственной инициативе — 22,7%. Гипотетической возможностью отказа от поездки в Чечню воспользовалась бы лишь четверть опрошенных. Полученные данные вполне объяснимы законодательными ограничениями, включающими в себя перспективы разжалования, лишения должности и уголовную ответственность относительно представителей силовых структур, отказавшихся участвовать в КТО.

По результатам опроса оказалось, что большинство респондентов рассчитывали получить за свое участие в КТО льготы и различного рода компенсации, доступ к ресурсам — 48,9%. На втором по значимости месте — статусная компонента, позволяющая использовать риск-опыт в продвижении по служебной лестнице — 39,2%. На третьем — возможность заслужить авторитет среди сослужив-

цев — 30,4%. Для 20,4% комбатантов, принявших участие в опросе, оказалось важным почувствовать уважение в обществе. И, наконец, лишь для 15,5% опрошенных бонусом за участие в КТО стала возможность получения награды, также дающая расширение доступа к потенциальным ресурсам за счет нового обретенного статуса. При этом для москвичей оказался более важным карьерный рост — 84,2%, по сравнению, например, с жителями Пензы, данный вариант выбрали 16,7%. Возможность льготного обеспечения позитивно была воспринята комбатантами из всех регионов (от 70% в Пензе до 43,5% в Саратове). Москвичи чаще рассчитывали на награды (57,9%), по сравнению с жителями других регионов. В Пензе такой вариант ответа выбрали всего 6,7%, в Махачкале — 5,9%, в Саратове — 14,6%. Уважительное отношение в обществе оказалось серьезным мотивационным критерием для жителей Пензы — 40% (среди остальных регионов распределительный интервал — от 14,7% в Махачкале до 21,1% в Москве).

Полученные данные указывают на то, что респонденты, проживающие в Москве, в большей степени ориентированы на получение различных бонусов от своего участия в КТО, при этом основные мотивационные векторы были направлены на карьерный рост, доступ к льготному набору и уважение среди сослуживцев.

Комбатанты, проживающие в Пензе и принявшие участие в опросе, в большей степени ориентированы на получение компенсаций и уважение среди гражданского населения. Для саратовцев сильной дифференциации в ответах обнаружено не было, однако, можно констатировать, что преимущественное положение занимает возможность получения льгот и замещение более высокой должности. Выбор респондентов из Махачкалы близок к распределению ответов саратовцев. В распределении ответов по

*В. Шебланова,
И. Суркова*
Участники
контртеррористических операций
в мирной жизни

**Суркова
Ирина**

Юрьевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина. Постоянный автор журнала. E-mail: irina_surkova@mail.ru

Мотивация к участию в контртеррористических операциях, %

Мотивы	Пенза	Саратов	Москва	Махачкала
Продвинуться по служебной лестнице	16,7	37,4	84,2	47,1
Получить льготы, компенсации	70,0	43,5	63,2	61,8
Получить награды	6,7	14,6	57,9	5,9
Заслужить авторитет в глазах сослуживцев	33,3	26,4	63,2	38,2
Заслужить уважение со стороны общества	40,0	18,7	21,1	14,7
Число опрошенных в данном населенном пункте	246	19	34	329

возрастным и образовательным критериям особой зависимости выявлено не было, кроме пункта, связанного с возможностью заработать авторитет у сослуживцев. Вариант оказался более характерным для старшей возрастной группы — 32,3% — по сравнению с выбором молодежи — 20,5%, а также для имеющих высшее образование — 37,9%, по сравнению с ответами комбатантов со средним образованием — 23,6%. Полученные данные можно объяснить, исходя из более высоких социальных притязаний представителей старшей возрастной группы, имеющих высшее образование. В результате среди предложенных для оценки мотивационных факторов большинство респондентов — 62,6% — назвали служебный долг. На втором месте оказались материальные выгоды, которые вбирают в себя льготы, компенсации и новый диапазон потенциальных возможностей для доступа к всевозможным ресурсам из-за обретенного статуса ветерана боевых действий — 32,9%. Примерно одинаковое количество ответов набрали позиции, связанные с возможностью борьбы с терроризмом (22,2%), проявлением патриотизма (21,5%), а также чувством товарищества (21,3%).

При этом объяснительные вариации, полученные в ходе интервью, сводились к пяти основным позициям: 1 — поддержание статуса офицера. *“Что это за офицер, который не был на войне? Я не мог бы чувствовать себя на своем месте, если бы тогда не поехал в Чечню. Это же и есть мой профессиональный долг. Я сам туда напросился”* (Борис, 38 лет, майор, три командировки в Чечню); 2 — поддержание команды. *“Мы служили все вместе, и от действий одного сотрудника зависело будущее всей команды. Из-за выпавшего звена группа теряет целостность и взаимопонимание, поэтому я не мог подвести сложившийся коллектив, в котором я служил, предать их. И я вместе со своими товарищами уехал служить, чтобы оставаться в строю”* (Николай, 37 лет, капитан в запасе, одна командировка в Чечню); *«Командир пытался провести опрос, типа “поедешь — не поедешь”. Как это я не поеду, когда все едут!»* (Семен, 32 года, сержант, срочная служба на территории Чечни); 3 — “романтические” ожидания, тяга к приключениям. *“В войнушку поиграть захотелось”* (Максим, 38 лет, майор, две командировки в Чечню); *«Мне так хотелось туда поехать. Интересно же, все-таки, какая-то романтика*

*В. Щепланова,
И. Суркова*
Участники
контртеррористи-
ческих операций
в мирной жизни

**Контртеррористиче-
ская операция
в Грозном
завершена,
найлены тела
девяти боевиков.**
[http://www.trend.az/
world/russia/
2340330.html](http://www.trend.az/world/russia/2340330.html) (дата
доступа: 4.12.2014)

еще с фильмов о войне осталась. Когда наши с криком “Ура!” бегут, и все враги повержены» (Анатолий, 31 год, рядовой, срочная служба на территории Чечни); 4 — меркантильные ожидания. “Деньги неплохо платили” (Андрей, подполковник, две служебные командировки). “Да меня после этой командировки сразу повысить должны были, майорскую должность дать” (Юрий, 33 года, майор, одна служебная командировка); 5 — образ жизни. “Есть фанаты своего дела. У меня был старшина, я ему очень благодарен. Его держали из-за боевого опыта, он очень грамотный был, прошел Афган, Первую и Вторую войну. Он настолько крепкий был физически и умственно подкованный. У него семья была, но погибла. Так, сколько раз предлагали из Чечни уехать, он ни в какую, он уже заклинился на войне. Даже уговоры дать офицерское звание, перевод в центральные части, ничего не помогло” (Михаил, 33 год, рядовой, срочная служба на территории Чечни). “Я в Чечне был девять раз. Я там столько своих ребят потерял, что не могу спокойно жить. Я без войны себя вообще плохо представляю”

(Николай, 35 лет, старшина, девять командировок в Чечню).

Мотивационные стимулы участия в КТО, так или иначе, оказывают влияние на самоощущения комбатантов, которые возвращаются в гражданский социум после участия в боевых действиях и начинают выстраивать свои взаимоотношения с гражданским населением. Большая часть респондентов — 68,1% — ощущают себя отдавшими долг Родине, при этом лишь для 4,3% опрошенных это было героизмом. Участие в КТО всколыхнуло патриотические чувства у 25,8% комбатантов, при этом 16,4% почувствовали себя участниками важных событий, происходящих в стране, фактически причислили себя к тем, кто делает историю. Отчужденными или обделенными вниманием, как со стороны гражданского общества, так и со стороны государственных структур, респонденты себя практически не чувствовали (2,7 и 7,2% соответственно).

В числе ответов встречались и неординарные высказывания: ощущал себя “мечом в ножнах”, “участником чужих интересов”, “ни кем”, “марионеткой” на поле боя.

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Таблица 2

Самооценка комбатантов после участия в КТО, %

Участник судьбоносных для России событий	16,4
Выполнял долг перед Родиной	68,1
Герой	4,3
Патриот, болеющий за свою страну и народ	25,8
Отчужденный от общества	2,7
Обделенный вниманием к своим проблемам со стороны окружающих и начальства	7,2
Участвовал в нарушении прав человека	1,7

Последствия посттравматического расстройства для участников КТО

На социальную ситуацию, в которой находятся комбатанты, влияют не только мотивационные факторы участия в КТО, но и реадaptация участников боевых действий к условиям гражданской жизни.

Сложность интеграции в мирную жизнь зачастую связана с активизацией психических состояний, мешающих нормальной жизнедеятельности, что заставляет внимательнее присмотреться к последствиям посттравматического расстройства¹. Однако далеко не все исследователи склонны оценивать изменения личности в условиях боевых действий только лишь с негативной стороны.

Ю.Ю. Стрельникова доказательно обосновывает активизацию адаптационных механизмов, оказывающих частично позитивное влияние на состояние здоровья и качество жизни комбатантов [5]. У участников КТО возрастает независимость, самостоятельность, сознательность, интуиция и быстрота реакции, уменьшается эгоцентризм и обидчивость, развиваются лидерские качества [5; 2]. “У меня уверенности прибавилось после возвращения из Чечни” (Максим, 46 лет, подполковник, одна командировка в Чечню); “Наблюдательный я стал, больше внимания уделяю мелочам, потому что на тот период времени любое невнимание к окружающей среде могло привести к трагическим последствиям” (Алексей, 36 лет, старший прапорщик, две командировки в Чечню). Хотя, безусловно, позитивные последствия ПТСР меркнут на фоне разрушительных воздействий психофизиологических реакций комбатантов на собственные витальные установки даже за счет активизации защитных механизмов психологической компенсации [3]. Несмотря на то, что у большинства участников боевых действий отмечаются лишь единичные симптомы ПТСР, такие последствия серьезно нарушают их адаптационные возможности после возвращения в пространство гражданской жизни [1].

В ходе лейтмотивного интервью почти все респонденты отмечали те или иные проявления “боевого синдрома”. Например, один из комбатантов вспомнил случай, который произошел с ним через несколько лет после возвращения домой “Я пришел ночью домой, сам ничего не помню, мне потом рассказали. Спрятался за диван и что-то там кидал, то ли гранату, то ли еще что-то. Видно, что-то осталось у меня в голове, застряло” (Алексей, 36 лет, старший прапорщик, две командировки в Чечню). “В последний раз был в Цхинвале, до этого в Чечне, у меня там куча товарищей ос-

¹ ПТСР (“вьетнамский синдром”, “афганский синдром” и т.п.) — тяжелое психическое состояние, которое возникает в результате единичной или повторяющихся психотравмирующих ситуаций, как, например, участие в военных действиях, тяжелая физическая травма, сексуальное насилие, либо угроза смерти. При ПТСР группа характерных симптомов, таких как психопатологические реперезивания, избегание либо выпадение памяти о травмирующих событиях и высокий уровень тревожности сохраняется на протяжении более месяца после психологической травмы.

*В. Шебланова,
И. Суркова*
Участники
контртеррористи-
ческих операций
в мирной жизни

**Военный психолог
опровергает
заявление
Минобороны
о 80% психически
травмированных
бойцов. [http://
hvylya.net/news/
digest.html](http://hvylya.net/news/digest.html) (дата
доступа: 2.04.2015)**

тались, которые по несколько раз контракт заключали, когда кого-то убивали, и я узнавал, до трясушки доходило, не мог стакан в руках держать” (Михаил, 39 лет, подполковник, более трех командировок в Чечню, участие в Грузино-южно-осетинском конфликте). “После возвращения смотрю военные фильмы, и мне плакать хочется. Раньше вообще такого не было” (Анатолий, 31 год, срочная служба на территории Чечни). “Я, когда домой приехал, так все непривычно было. Тихо и людей много. В толпе пытаешься под ногу подстроиться, чтобы не наступить, чтобы идти в шаг, как в армии (говорит с нарастающим эмоциональным напряжением). — ...идешь и не можешь просто так в толпе идти... вот не можешь...” (Семен, 32 года, сержант срочной службы, служил на территории Чечни). “Сейчас, конечно, воспоминаний меньше и они легче. А когда вернулся, в то время, начинали что-то спрашивать, говорили, что такого не может быть. Мне было так обидно, так грустно. Я начинал задирать” (Михаил, 33 года, рядовой срочной службы, служил на территории Чечни). Жизненные истории, рассказанные во вре-

мя интервью разнообразны, подобных примеров можно привести достаточно много, однако объединяющим элементом в них является наличие у рассказчика элементов ПТСР.

В ходе анкетирования выяснилось, что наиболее распространенным проявлением боевого синдрома оказались раздражительность и вспышки гнева (37,9%). На втором месте по распространенности — непрошенные навязчивые воспоминания (33,5%). Третье место занимает настоящая потребность иметь при себе оружие (27,7%). При этом в большей степени ПТСР подвержены респонденты старшей возрастной группы, среди которых около половины (45,9%) часто испытывают раздражение и треть опрошенных (33,9%) преследуют тяжелые воспоминания. Получается, чем старше представитель силовых структур, переживший опыт сверхстрессовых условий, тем тяжелее проходит у него период реадaptации к мирному социуму, что вполне объяснимо в силу более ригидного состояния психических процессов по сравнению с молодыми людьми. Безусловно, ПТСР усугубляется приемом алко-

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

голя или наркотических средств. И хотя среди респондентов только 24,6% употребляли алкоголь для снятия напряжения, лишь 16,2% констатировали увеличение тяги к спиртному после возвращения из мест боевых действий. Следует признать, данные вопросы сенситивны, что объясняет, с одной стороны, достаточно большой процент отказов, а, с другой — возможную установку респондентов давать социально одобряемые ответы.

В интервью респонденты более открыто рассказывали о практиках употребления спиртного, что, вероятно, можно расценивать, как сложившиеся доверительные отношения с интервьюером. *«После возвращения я месяц пил. Хотелось просто... Знаете, как в кино, как в "9 роте", когда хохла спрашивали — "что будешь делать, когда домой придешь?" — "Буду пить". — "А потом что?" — "И потом буду пить". Я не могу сказать, было ли это последствием войны, или я просто так дорвался до дома»* (Михаил, 33 года, рядовой срочной службы, служил на территории Чечни). *«Да не просыхал, когда приехал первый раз. Пил и пил, наверное, с радостью, что жив остался, что все кончилось. Я даже не помню, сколько это продолжалось, пока жена по башке не дала»* (Григорий, 43 года, подполковник, три командировки в Чечню). По данным анкетирования, после возвращения из мест боевых действий тяга к алкоголю также увеличилась у представителей старшей возрастной группы, что вполне попадает в предложенную выше объяснительную модель, поскольку в период средней и поздней зрелости люди больше подвержены стрессам и депрессиям [8].

Полученные данные говорят о необходимости обязательной реабилитации участников боевых действий после возвращения в гражданский социум, это нашло отражение в Федеральных законах «О борьбе с терроризмом» [6]

и «О противодействии терроризму» [7], в которых «возвращение к нормальной жизни», то есть «социальную адаптацию и интеграцию в общество», осуществляют через правовую помощь участникам КТО, их психологическую, медицинскую, профессиональную реабилитацию, трудоустройство вплоть до восстановления на работе, предоставление им жилья (статья 18 ФЗ-130; статья 19 ФЗ-35). Реабилитационные мероприятия осуществляются за счет средств федерального бюджета РФ, а также средств субъекта РФ, на территории которого совершен террористический акт.

В ходе анкетного опроса было выявлено, что, несмотря на основательную профессионально-психологическую подготовку, которую прошли 55,7% респондентов на полигонных занятиях и стрельбах, а также психологическую подготовку на основе методик аутотренинга на базе кабинета психологической поддержки и релаксации, в которой приняли участие 12,1% респондентов, большая часть комбатантов — 38,4% — не имели предварительного психологического сопровождения перед отправкой на Северный Кавказ. В процессе интервью респонденты обращали внимание на то, что при первых поездках в Чечню никаких специальных занятий или психологического отбора не проводилось: *«Когда мы ездили, видимо, еще не была отработана система обучения, после нас кто ездил, их в учебный центр отправляли, им там лекции читали, они как-то готовились, психологи работали. А у нас инструктаж был, типа "Вы уж ребята там давайте, осторожнее, там же война"»* (Леонид, 44 года, подполковник, пять командировок в Чечню). Те, кто во время командировки в Чечне имел статус рядового или сержанта срочной службы, единодушно говорили об отсутствии какой-либо психологической подготовки. Некоторые респонденты упоминали о том, что сборы происходили в срочном по-

*В. Щепланова,
И. Суркова*
Участники
контртеррористи-
ческих операций
в мирной жизни

**Детские травмы
увеличивают
риск военного
посттравматического
синдрома. [http://
compulenta.
computerra.ru/
chelovek/meditsina/
10004882/22.02.13](http://compulenta.computerra.ru/chelovek/meditsina/10004882/22.02.13)**

рядке, поэтому “буквально за две недели людей отобрали. Это были те, кто сам хотел туда ехать, не за длинным рублем. А были самые достойные. Психолог, по-моему, и не работал с нами” (Кирилл, 41 год, подполковник, четыре командировки в Чечню). Те информанты, которые положительно отвечали на вопрос о предварительном психологическом сопровождении, идентифицировали его с проведением тестовых упражнений: “тестирование проходили” (Алексей, 36 лет, майор, две командировки в Чечню); “мы перед отправкой проходили медкомиссию, кстати, мы каждый год ее проходим и психолога тоже... с нами психологи работали. Во-первых, тесты какие-то проходили, во-вторых, они все допытывались, насколько у человека морально-психологическое состояние адекватное” (Борис, 38 лет, майор, три командировки в Чечню). Один из комбатантов более подробно рассказал о мероприятиях перед отправкой на Северный Кавказ: “К нам приглашали специалиста по Северному Кавказу, который все нам рассказывал, выдержки из Корана нам читали, объясняли как себя вести, как относиться хозяева к тем, кого они приглашали в дом,

и к тем, кто непрощеный. Поведение может быть разным и все нюансы нужно урегулировать. Потом все прошли медицинское обследование у психологов, психиатров, которые выясняли, может ли человек выполнять задачи и служить на территории, на которой могут возникнуть экстремальные ситуации. С нами различные тесты проводили, по несколько раз беседовали. Все беседы были индивидуальными, поэтому рассказать, о чем конкретно с каждым человеком беседовали, не могу. Быстрее пропускали тех, кто уже был в Чечне, имеет определенный опыт” (Алексей, 36 лет, старший прапорщик, две командировки в Чечню). К сожалению, данный пример оказался единственным развернутым описанием психологической подготовки перед отправкой в Чечню, что свидетельствует о фрагментарности психологического сопровождения комбатантов.

Во время участия в боевых действиях психологическая поддержка участников КТО также осуществлялась весьма неравномерно, например, один из респондентов подчеркнул, что уровень подобной помощи зависел от места дислокации, чем удаленнее блок-пост, тем

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

В двух районах Дагестана идут контртеррористические операции. <http://persona.rin.ru/news/360002/f/v-dvuh-rajonah-dagestana-idut-kontrterroristicheskie-operacii>

меньше вероятности увидеть там психолога. Несколько респондентов отметили работу с личным составом, при этом офицерскому звену никакой поддержки оказано не было. Встречались мнения о том, что никакого психологического сопровождения в “горячих точках” быть не должно, то есть люди раскрываются в первые две недели пребывания, если “загрустили, плохо им там, то они разворачивались и уезжали. А психолог там и не нужен был” (Борис, 38 лет, майор, три командировки в Чечню).

Один из основных элементов социально-психологической реабилитации комбатантов — непрерывное сопровождение на протяжении всего периода дислокации (до отправки в зону повышенного риска; непосредственная поддержка на территории, в данном случае Северного Кавказа; и после возвращения из зоны боевых действий). Однако, как показывают результаты анкетного опроса, всего лишь 27,9% респондентов получили психологическую поддержку в процессе реадaptации к гражданскому социуму. При этом среди участников КТО, кому лично была оказана социально-психологическая поддерж-

ка, более половины (55,6%) идентифицировали ее с поездкой в санаторий. Зачастую санаторно-курортное лечение подменяет истинное назначение реабилитационной помощи участникам боевых действий, ведь, в первую очередь, подобная помощь оказывается с целью восстановления физических сил организма, а отнюдь не способствует избавлению от навязчивых состояний. В подобных учреждениях нет специалистов узкого профиля, которые знают специфику работы с участниками чрезвычайных ситуаций. Респонденты обратили внимание на то, что помощь психологов, психиатров по восстановлению психологического равновесия, уверенности в себе в большинстве случаев сводилась к оценке психологического состояния сразу после прибытия в санаторий и к беседе с психологом. Тестовые методики, беседы, бесспорно, важны при исследовании психологических характеристик личности человека, однако не являются источником окончательного вердикта специалистов при оценке ПТСР у участников боевых действий. К сожалению, специалисты службы психологического сопровождения, зачастую забывают

о других методах исследования, что существенно снижает объективность получаемых данных и препятствует проведению реабилитационных мероприятий с комбатантами. Безусловно, создавшаяся ситуация маркируется многими факторами [9, с. 187], например, дефицитом профессиональных психологов в силовых структурах, специализирующихся на социально-психологическом сопровождении участников КТО; перегруженностью специалистов, выполняющих достаточно большой объем бюрократической повседневной работы с кадровым составом частей; проблемами доверительного отношения с сотрудниками, из-за страха скомпрометировать себя, что чревато демобилизацией.

Неудовлетворенность комбатантов своей ролью в КТО, фрагментарность реадaptационных мероприятий социальной защиты, зафиксированная в их опросе, приводит к снижению мотивации участия в боевых кампаниях. Вместе с тем офицерами подобный риск-опыт, ощущения экстремального времени оценивались как необходимый этап профессиональной социализации, расширяющий потенциальные возможности для карьерного роста и повышения материального достатка. К сожалению, неотъемлемым элементом полученного опыта выступают посттравматические состояния, существующие реабилитационные программы по реинтеграции военнослужащих в поствоенном социальном пространстве пока действуют недостаточно эффективно.

Литература

1. Генгер М.А. Особенности личности военнослужащих, участвовавших в боевых действиях // Армия и общество. 2013. № 1 (33).
2. Ермолаева А.В. Психологические особенности личности военнослужащих — участников боевых действий // Психологическая наука и образование. 2013. № 1 // <http://psyedu.ru/journal/2013/1/Ermolaeva.phtml>
3. Кавтарадзе С.Д. Мифология героя и постбоевой синдром // Мир психологии. 2013. № 1.
4. Суркова И.Ю. Воины-афганцы: статус, меры социальной поддержки // Человек. 2011. № 3.
5. Стрельникова Ю.Ю. Изменения личности в условиях боевых действий с точки зрения психической нормы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60).
6. Федеральный закон № 130-ФЗ “О борьбе с терроризмом” от 25 июля 1998 г. (с изменениями от 7 августа 2000 г., 21 ноября 2002 г., 30 июня 2003 г., 22 августа 2004 г.).
7. Федеральный закон № 35-ФЗ “О противодействии терроризму” от 6 марта 2006 г. (с изменениями от 28 декабря 2010).
8. Хилько М.Е., Ткачева М.С. Возрастная психология. М.: Высшее образование, 2006.
9. Щепланова В.В. Динамика рисков современного терроризма. Саратов: Изд-во СГТУ, 2010.
10. Щепланова В.В. Феномен терроризма в ракурсе рисков социальных изменений // Журнал социологии и социальной антропологии, 2010. Т. XIII. № 2.

*В. Щепланова,
И. Суркова*
Участники
контртеррористических операций
в мирной жизни